



К.С. ПИГРОВ
А.К. СЕКАЦКИЙ

БЫТИЕ И ВОЗРАСТ

Монография
в диалогах

**Константин Семенович Пигров
Александр Куприянович Секацкий
Бытие и возраст.
Монография в диалогах**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7211415

*Бытие и возраст. Монография в диалогах. Пигров К. С., Секацкий А. К.:
Алетейя; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-906860-46-0*

Аннотация

Эта книга, несмотря на свой небольшой объем, представляет собой многостороннее и при этом острое и актуальное исследование возраста. Авторы начинают свое рассмотрение с проблем старости, что само по себе необычно (но укладывается в логику этой необычной книги), и каждая следующая тема обнаруживает новые аспекты времени. Возраст понимается как высшая, человеческая форма организации времени, позволяющая раскрыть некоторые тайны темпоральности, проливающая свет на загадку времени вообще. В этом смысле заглавие «Бытие и возраст» вполне оправдано.

Книга написана по мотивам прочитанных совместно лекций и семинаров- это придает ей живой и полемический характер при сохранении высокого уровня продуманности и основательности.

Работа представляет интерес как для академического сообщества, так и для широкого круга тех, кто действительно интересуется философией.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Лучшее время человеческой жизни...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Константин Пигров, Александр Секацкий Бытие и возраст.

Монография в диалогах

Рецензент:

доктор философских наук, профессор *С. А. Лишаев*

доктор философских наук, профессор *В. А. Конев*

Расшифровка и обработка текста, примечания

Ольги Владимировны Павлухиной

Предисловие

Наша монография представляет собой попытку систематизировать многолетнее чтение курсов по философии возраста на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета, в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов – а также в других аудиториях¹. Мы имели счастливую возможность в диалоге с заинтересованными студентами не просто произносить некоторые по возможности систематические «общие места» по философии возраста, но превратить эти лекции в дискуссии – в своеобразные «мозговые атаки», где стремились осмыслить феномен персональной и социальной жизни как возраст.

Таким образом, задача монографии, которая сложилась в результате этой работы, предстала как двоякая: во-первых, она являет собой более или менее систематический курс, который может помочь в учебном плане; во-вторых, здесь формулируются некоторые новые, недостаточно ясные, вопросы в философии возраста и обсуждаются возможные пути их решения. К таким относятся, например, проблемы неотении, некоторые аспекты взаимодействия возраста социума и возраста индивида, также ряд других.

Диалогическая форма монографии, возможно, для мно-

гих непривычная, пытается представить живой процесс гуманитарного исследования в традициях «диалогической философии» от И.-Г. Гамана до М. Бахтина. В сущности, философское исследование всегда, начиная по крайней мере с Сократа, было тесно связано с образованием. Этой методологии, в некоторых существеннейших пунктах комплементарной по отношению к «трансцендентальной философии», уделяется в современных исследованиях недостаточное внимание. Таким образом, становятся возможными обучение в исследовании и исследования в учебном процессе (и эксцес-се!).

Существенно для нашего исследования экзистенциальное его измерение. То обстоятельство, что одному из нас в настоящее время уже далеко за семьдесят, а другой находится в возрасте, обозначенном в монографии как «акме», позволяет авторам пропустить философскую аналитику возраста через своё внутреннее мироощущение. Отсюда, в частности, внутреннее напряжение представленного диалога, явно или скрыто перерастающее подчас в довольно жесткую полемику «отцов» и «детей». Проскальзывающие в тексте архетипические образы Евгения Базарова и Павла Петровича Кирсанова играют не случайную, а весьма существенную роль.

Авторы выражают глубокую благодарность Ольге Владимировне Павлухиной, кандидату философских наук, которая взяла на себя огромный труд по расшифровке диктофонных записей, по структурированию и литературной обработ-

ке текста. Без её самоотверженных усилий данная монография не могла бы состояться.

Мы хотели бы также сердечно поблагодарить наших заинтересованных слушателей, особенно студентов философского факультета СПбГУ, которые помогали нам и вдохновляли нас как в постановке вопросов, так и в их решении.

*Константин Пигров,
Александр Секацкий*

Введение

Осмысление

человеческого возраста

Константин Пигров: Проблема возраста с философской точки зрения – это не что иное, как вопрос о времени, поставленный перед человеком в практической плоскости его собственной неповторимой жизни².

Почему возраст столь важен для каждого человека? Говоря о возрасте, я говорю об одном из ключевых измерений человеческой индивидуальности. Он задевает глубинные основания нашей жизни, он так же уникален, как уникальна каждая человеческая жизнь. Ясно, скажем, что «сорок лет» мужчины не равны «сорока годам» женщины, «сорок лет» рабочего не равны «сорока годам» ученого исследователя, словом, «сорок лет» одного человека не равны «сорока годам» другого.

Возраст в обыденном сознании выражается прежде всего количественно, но это неточная, обеднённая характеристика. Возраст, сведенный только к цифре, выражающей прожитые годы, то есть только к количественному измерению, обнаруживает плоскую абстракцию бесконечно многообразного процесса/экссесса жизни. Конечно, такая абстракция

необходима для познания человека вообще и познания человеком самого себя, но ни жизнь человека, ни его возраст ею не исчерпываются. Чтобы конкретизировать тему индивидуальности возраста, несводимой только к количественной характеристике прожитых лет, обратимся не к тому, как считается возраст, а к тому, как он переживается, – к его экзистенциальной³ характеристике. Человеческий возраст – это феномен меры как единства количества (прожитых лет) и качества (неповторимой индивидуальности жизни).

Человек – конечное существо. Глубинный смысл концепта возраста (идеи возраста, понятия возраста) заключается именно в конечности человеческого бытия, смысл человеческого возраста – в его ограниченности, в конце концов, в смертности каждого человеческого существа. Человек рождается в сущностном плане как бы «из ничего», и он смертен – уходит в небытие. Сама его жизнь между рождением и смертью как скольжение на волне в серфинге.

Конечно, возрасты взаимосвязаны, «поддерживают» и/или отрицают друг друга. Но каждый возраст (детство, отрочество, юность, зрелость, старость) не является только средством и обязательно имеет ценность в самом себе. Каждый возраст самоделен и самоценен. Нельзя считать, что детство – это всего лишь некая «вспомогательная конструкция» – строительные леса, с помощью которых можно выстроить «хорошую» или «плохую» взрослость. Или, далее, взрослость не есть всего лишь «средство» для достойной старости.

Возраст есть изнутри, экзистенциально переживаемое нами время бытия, которое представляет собой самоценность.

Александр Секацкий: Вот простые свидетельства, подталкивающие к очень даже существенным выводам. Допустим, перед нами младенец, срок жизни которого пока измеряется неделями: ему шесть недель. Затем о детях говорят: ему восемнадцать месяцев... Далее количество лет уже оказывается более или менее оптимальным показателем возраста, в соответствии с которым действует и социальная матрица. И, наконец, мы говорим: да ему уже пошел восьмой десяток...

Такая калибровка есть внутренняя размерность, и она, безусловно, отражает саму суть дела. В возрасте от тридцати до сорока, например, уточнение количества месяцев нелепо и напоминает известный парадокс П. Витгенштейна: «Если яблоко созревает в течение лета, могу ли я сказать, что это яблоко зреет уже полчаса?»⁴. В сущности, в возрасте от восьмидесяти до девяноста количество лет уже оказывается условностью. Тем не менее в этих нехитрых констатациях скрыта имманентная определенность всякого времени – *самого* времени; возможно, что даже разделение на прошлое, настоящее и будущее оказывается чем-то более сложным и искусственным, чем эта исходная самоочевидность калибровки времени, времени всякого сущего. Собственные кванты каждого времени в большинстве случаев несоизмеримы с квантами соседнего времени, отсюда вытекает и абсолютный

произвол времени циферблатов, но любая обогащенная темпоральность подчиняется правилу укрупнения внутренних счетно-учетных единиц. Если есть «закон Ома для участка цепи», то можно сформулировать что-то вроде своеобразного закона для участка *хронопоэзиса*⁵, который определяется пределом применимости имманентных счетных единиц: как только они перестают быть самодостаточными, можно говорить о следующем участке хронопоэзиса – либо того же самого, либо отпочковавшегося иного, нового, времени, которое, опять же само может стать мэйнстримом, «захватив» какую-нибудь регулярность. А может быть, отклонившееся время будет вновь возвращено.

Отсюда, опять же, ответ на вопрос, «каков твой возраст», окажется весьма информативным, если прозвучит, например, так: «Мой возраст измеряется уже в годах, а возраст моей сестрицы ещё в месяцах...». И всякое *сущее как происходящее* может быть определено в соответствии с возрастным порядком (порядком возраста): такой-то процесс вступил в третий порядок хронопоэзиса, и номер этого порядка может быть универсальной константой вроде числа ω или постоянной Планка независимо от того, идёт ли речь о возрасте организма, горного массива, возрасте вида, популяции или культуры – цивилизации.

К.П.: В связи с темой возраста особое внимание следует уделить мотиву страха. Возраст – это проблема жизни с точ-

ки зрения одной из самых всепоглощающих эмоциональных составляющих человеческого бытия – чувства страха. Каждый возраст обладает своим специфическим страхом. Далее мы сможем обратиться чуть более подробно к страху старика – страху, который конституирует старость как таковую.

Однако страшно не только то, что ты умрешь, – и, стало быть, вся жизнь может быть рассмотрена как ожидание смерти. Страшно и то, что, рождаясь на этот свет, ты вынужден всё начинать сначала. Ты являешься в мир помимо своей воли хотя бы потому, что у тебя, как новорожденного, воли ещё нет. Фактически ты обнаруживаешь себя в уже существующем мире радикально неподготовленным к нему – как незванный гость. Мы увидим далее более подробно, что трагедия старика в том, что он *уже* чужой в этом мире, а глубинная трагедия ребёнка, может быть, скрытая от него самого, (хотя ребёнок не может выразить эту свою трагедию или даже в полной мере осознать и пережить её), что он в этом мире *ещё* чужой. Этот равнодушный мир «не хочет» его принимать. Мир не звал и не ждал его. Ребёнок ничего не знает об этом мире, он ещё никак не обозначил свое бытие в нем. Переживание ребёнка может быть выражено так: зачем я появился в этом мире? Оно, по сути, имеет отношение не только к детству и выражено А. С. Пушкиным в одном из самых трагических его произведений:

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..

Жизнь человека во времени есть постоянное преодоление страха. Универсальный способ справиться со страхом – это некоторый «запас прочности» нашего бытия, готовность ко всему, что бы ни случилось, – некоторый его жизненный потенциал в самом широком смысле слова. Поэтому проблема возраста – это, по сути, проблема потенциала, его накопления и растраты. Вопрос первой половины жизни, не столько ребёнка, сколько подростка, молодого человека, и ранней взрослости – это вопрос способностей, задатков, дарований, которые также есть проблема человеческого потенциала. Обладаю ли я дарованиями, задатками? Предопределил ли Бог моё назначение? Молодой человек в постоянных сомнениях, подчас мучительно решает для себя и хочет продемонстрировать другим, что он действительно обладает задатками, что он талантлив, может быть, даже (в потенции) гениален. Такая постановка вопроса в ново-европейской цивилизации по сути близка вопросу, формулируемому в традиционных цивилизациях: призван ли я Богом?

Очевидным образом жизненный потенциал, как мы увидим в дальнейшем, особенно важен в старости. Настоящий старик должен быть – хотя бы! – богат деньгами. Это некоторое (конечно же, весьма косвенное) свидетельство, что он в

мире что-то значит, имеет какое-то право на существование, он совершил что-то достойное. Или старик обладает заслугами, потенциалом влияния, мол, он «не зря прожил свою жизнь», с ним считаются, к его словам прислушиваются, он заслужил авторитет потому, что изменил этот мир, и мир после прожитой стариком жизни стал лучше.

Таковы самые первые наметки переживания возраста, показывающие важность этой характеристики для человека. Чтобы более основательно отразить наше переживание возраста, необходимо внимательно осмыслить, что такое в философском плане время вообще и как время связано с возрастом человека.

Время – это форма бытия⁶. В отличие от пространства, время – это не экстенсивная, а интенсивная форма бытия. Что это означает? Пространство в самом абстрактном плане есть особое отношение, где постулируется или предполагается расположение одного рядом с другим, *подле* другого. Время же, напротив, – это такое отношение, где предполагается, постулируется последовательность одного *после* другого. Каждая соседняя точка в пространстве не уничтожает другие точки, между тем как каждый следующий момент времени упраздняет предыдущий, чтобы и самому быть в свою очередь уничтоженным.

Следовательно, особенности такой формы бытия, как время, сказываются и на возрасте. Возраст как время человеческого бытия представляет собой интенсивную форму жизни

человека, которая переживается как особенно напряженная. Ведь множественность отдельных моментов (периодов, этапов, ступеней) человеческой жизни неодолимо исчезает, и её никак нельзя удержать. Юность безвозвратно уходит, сменяясь зрелостью, а зрелость необратимо и неодолимо сменяется старостью... Философия возраста, или времени человеческой жизни, исследует, как один эпизод, одно событие, одно время, один период, один этап неовозвратно сменяются другими эпизодом, событием, временем, периодом, этапом.

Человеческое время (т. е. как раз возраст – форма бытия человеческого индивида) с одной стороны и время общности того или иного масштаба, скажем, семьи, коллектива, этноса с другой взаимодействуют. Человеческий возраст задает модели времени той или иной общности, даже времени существования всего человечества во вселенной; возраст индивида дает времени всего человечества действительность непосредственного переживания. И, напротив, время той общности, в которую включен индивидуальный возраст человека, существенным образом воздействует на него. Проследим, как в связи с историческим временем меняются концепции человеческого времени, или возраста человека.

Историческое время протекает ритмически, моменты величайшего напряжения (скажем, войны, революции, социальные катастрофы) сменяются известным расслаблением истории. Акценты, задающие напряжение в историческом развитии, – это чрезвычайные моменты, *кайросы*⁷. В проти-

воположность следует обозначить состояние, которое можно метафорически назвать исторической дремотой, *сном истории*. Сон истории – это период, когда, как кажется, ничего не происходит.

Историческое развитие во времени предстаёт как чередование кайросов и дремоты. Это и есть в самых общих чертах ритм истории. Жизнь человека – драма проживания им своего возраста – так же ритмична, как и проживание общностью своей истории: некоторые чрезвычайные напряжения, когда человек «всецело присутствует», сменяются спокойными, созерцательными периодами. Ритм биографии необходим, поэтому мы сталкиваемся также с некоторой внешней ритмизированностью человеческого бытия, скажем, ежегодное празднование дней рождения, памятных дат, юбилеев. Этот ритм, привносимый культурой, обычаем, традицией в непрерывное течение человеческого возраста, позволяет выстроить особую композицию движения по возрастам – организовать время человеческой жизни как своего рода драматургическое произведение.

Проживание человеком своего возраста зависит от того, попадает ли его время на момент чрезвычайного напряжения в истории, кайроса, или, напротив, ему выпало жить в эпоху исторической дремоты. Не случайно в современном кинематографе сформировался специфический жанр – фильмы-катастрофы, которые показывают поведение людей в чрезвычайных обстоятельствах конца света, стихийного

бедствия, техногенной катастрофы.

Связь человеческого возраста с историческими событиями создает, как известно, поколения. Скажем, в русском XIX веке мы знаем поколение декабристов, поколение «шестидесятников». В советском XX веке отчетливо выделяется поколение тех, кто так или иначе участвовал в Великой Отечественной войне, а также своё поколение «шестидесятников», то есть тех, кто был воспитан на идеях «оттепели» и XX съезда КПСС. Каждый без труда укажет и на другие поколения, которые сыграли ту или иную роль в российской, советской или постсоветской истории.

Однако для понимания возраста необходимо указать и более общие установки, которые бытийствуют в человеческом сознании. Существует по крайней мере две концепции возраста человека, которые связаны с базовыми представлениями об историческом времени. Эти две концепции комплементарны, отражают разные стороны возрастного измерения человеческой жизни.

Первая концепция понимания истории состоит в том, что мир вечен и время бесконечно. Конкретным воплощением этой концепции времени предстаёт так называемое вечное возвращение. Индуистская традиция, например, выделяет четыре века (юги), которые сменяют друг друга, причем после четвертой юги, кали-юги, где мы сейчас живем, должна снова наступить первая юга. Гесиод также выделяет четыре века: золотой, серебряный, бронзовый, железный⁸. За-

тем – вселенская катастрофа, и... всё начинается сначала. Демиург, бог не первого ряда богов, творец с оттенком «халтурщик», преобразует хаос в космос, потом забывает о созданной им космической упорядоченности. Между тем божественный порядок «вытекает», «выветривается» из мира, который снова превращается в хаос. Тогда демиург спохватывается, вновь вдыхает в мир божественное начало, и он снова становится космосом. И так происходит бесконечно. «С той же необходимостью, с какой природа когда-нибудь устранил мыслящий дух на Земле, она его породит где-то во Вселенной снова», говорил Ф. Энгельс⁹, также бессознательно принимая концепцию вечного возвращения. Такой концепции исторического времени в философии возраста соответствует идея метемпсихоза: душа человека снова и снова возрождается после смерти, проживая всё новые и новые жизни, и так без конца, если не предпринять особые усилия для того, чтобы выйти из колеса Сансары, вечной череды новых рождений.

Вторая концепция понимания истории может быть названа библейской, поскольку она последовательно проведена в Библии. В ней постулируются абсолютное начало мира, связанное с «творением мира из ничего», и неизбежность его абсолютного конца¹⁰. Причем последнее событие однократно и непоправимо. Не мыслится возможности никакого нового порождения. Мир закончится абсолютно. Из этой второй концепции следует постоянное и напряженное ожидание

человеком своего конца, т. е. непоправимой смерти. Соответственно, и возраст человека понимается таким образом, что если после смерти и возможна иная жизнь человеческой бессмертной души (скажем, «блаженство» в раю или «вечные муки» в аду), то это будут качественно иные формы существования, которые никак не могут быть даже сопоставлены с земной жизнью и к которым никак нельзя отнести понятие возраста¹¹. Загробная жизнь, попросту говоря, принципиально «не имеет возраста», как, скажем, электроны и протоны принципиально не могут иметь вкуса и запаха.

Соответственно, и возраст человека после смерти теряет смысл. Жизнь человеческая заканчивается абсолютно так же, как она абсолютно не была до рождения. Для человека новоевропейской цивилизации остается слабое утешение, что человек оставит какие-то положительные, «нетленные» следы в культуре, но и они, увы, не вечны:

Река времён в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдёт судьбы.

Г. Р. Державин

Неизбежность смерти не принимается сознанием человека. Поэтому нам хотелось бы мыслить время как время циклическое, где бессмертная душа предстает как счастливое исключение. Причем вовсе не обязательно здесь апелляция к сакральному. Материалист вполне может выстроить свою концепцию бессмертия. Да, пусть мы умрем, но наши дети, внуки снова и снова повторяют тот цикл, который проделали в своё время мы, а до нас – наши отцы и деды. Циклы поколений складываются в линейное время истории социума, цивилизации, – линейное время, которое в другом масштабе само оказывается циклическим, включенным в другое, на первый взгляд, линейное, но также циклическое время.

Линейное время задает горизонт смысла жизни, выходящий за границы индивидуального принципиально циклического бытия. Даже если Бога нет, то бессмертие культуры задает нам надежду на бессмертие (разумеется, иллюзорную). Вопреки вышеприведенным трагическим словам умирающего Г.Р. Державина А.С. Пушкин с надеждой восклицает:

Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья избежит...

Таким образом, возраст человека задан в разломе между циклическим и линейным временем, аналогично тому как возраст существует в разломе между биологическим и социокультурным временем. В преодолении, «снятии» возраста

нами руководит безумная надежда выйти из циклического времени в линейное – в надежде на так или иначе интерпретированную «жизнь вечную».

А. С.: Я воспринимаю возраст как большую синхронизацию, обобщение и слияние хронотопов. Подобно всем обобщениям, возраст кажется чем-то искусственным, не учитывающим нюансы, чем-то не вполне достоверно предъявленным к проживанию. Но таковым он может казаться лишь до тех пор, пока человек не сталкивается с куда более безжалостной принудительностью времени графиков и расписаний, то есть возраст есть некая симметричная композиция времен, в чем-то аналогичная другим группам симметрии; если у каждого возраста есть свое «ребро жесткости», удерживающее размерность в неких рамках или пределах, то линейное время вообще есть конструкция, состоящая из сплошных «ребер жесткости». Это важнейшая, сверхгерметичная, упаковка времени после его предварительной нарезки. Вторичная разметка тоже попутно определяет возраст, но без учета внутренней размерности и на свой произвольный лад. Тем самым, как сказал бы Г. Гегель, возраст выступает в качестве средней посылки, противостоя, с одной стороны, метрике, а с другой – разворачиваемым конвертам малой хроники, многочисленным актуальным состояниям, в качестве которых предстает любое время, взятое в минимальном промежутке. Возраст есть реальная целостность,

управляющая по способу обратной связи малой метрикой, даваемой извне. Управление такого рода не является ассимиляцией или диктатурой, оно скорее является гравитацией, которая способна меняться под влиянием вторжения или формирования новых масс времени.

В природе возраст носит строго дискретный характер, образуя всякий раз новую телесность; мы как-то даже забываем, что стадия *imago* (взрослая стадия) и прочие стадии суть метаморфозы, прежде всего разные возрасты индивида как бы хронологические рамки, набранные слишком «жирным шрифтом» и потому сразу бросающиеся в глаза.

Можно сказать, что виды, пошедшие путем столь резкой возрастной дифференциации, не стареют, а просто меняют возраст и умирают. Случаи совмещения многих возрастных определенностей в одной телесной упаковке представляются более интересными, им даны темпоральности взросления и старения. При этом психофизиологические упаковки возраста у человеческого индивида меняются не менее радикально, просто радикальность эта замаскирована единством телесности и демаскируется как раз сменой имманентных единиц измерения, внутренней калибровки.

К. П.: Возраст интересен не только сам по себе, но и как знак, как символ человеческой самореализации. Возрасту могут быть приписаны различные смыслы. Каждый, вероятно, наблюдал явление, так сказать, «возрастной озабоченно-

сти», к примеру, восклицания типа: «Мне уже двадцать лет, а я ещё ничего не совершил!» или «Мне уже двадцать пять, а я ещё не замужем!». Молодящийся старец, как, скажем, у Т. Манна в «Смерти в Венеции»; зрелая дама, желающая выглядеть юной, или, напротив, двенадцатилетняя девочка, которая использует все возможности косметики, чтобы смотреться на восемнадцать...

В приведенных примерах возраст выступает как основание для связи себя с той или иной общностью.

Перед человеком, живущем в новоевропейской цивилизации, такой символизм возраста предстаёт как определенный синдром современности. Для него весьма существенно понимание исторического времени как современности, что тесно связано со специфическим видением возраста человека на нынешнем этапе цивилизации.

Что такое современность? Это понятие не было столь актуальным в традиционных и в древних обществах. Оно появилось в условиях господства идеи прогресса. Современность – это становящееся, происходящее, момент изменения, движения в историческом бытии. Последнее обнаруживает себя в современности через социальную действительность, создаваемую людьми. Или, иными словами, современность – это момент бытия, который поддается сознательному изменению. Современность – это то, что «поправимо», то, что «можно сделать лучше». Именно момент поступательного прогрессивного развития общества существенен для по-

нимания современности как ценности. Соответственно, «современен» тот человек, который своей свободной волей воздействует на историю. Единение индивидуального возраста и возраста прогрессирующей общности, скажем, страны или всех «промышленно развитых стран» отвечает на вопрос, что значит «быть современным», идти в ногу со временем, или отставать от времени, «быть несовременным».

Человек, который «является современным», понимает современность. Ему нравится всё новое, отвечающее настоящему моменту. Он сегодня, к примеру, в постсоветской России осваивает компьютер, мобильный телефон, английский язык, интернет, и это наполняет его гордостью за себя, за то, что он «идёт в ногу со временем». Такой человек, как ему кажется, способен вмешаться в реальность и изменить её.

Если говорить более конкретно, то современность зависит от «длины воли» (*Lange Wille*)¹², связывающей поколения. «Длинная воля» той или иной общности (скажем, нации, класса, властвующей или интеллектуальной элиты) предполагает, к примеру, что ценности и цели дедов воплощаются не только самими дедами и отцами, но и внуками. «Короткая воля» обнаруживается, например, тогда, когда внук с не меньшим энтузиазмом разрушает то, что так деятельно строил дед. Чем воля «длинней», тем больше, протяжённей, «просторней» современность, тем больше свобода. «Размер» современности – это мера социальной свободы, в том числе и свободы человеческой жизни. Причастность человека к

современности («быть современным»), таким образом, – это господство социокультурного времени над биологическим временем. В этом господстве человек переживает свою свободу.

Что же такое возраст? Это прежде всего количественное измерение человеческой жизни числом прожитых лет. Возраст постоянно напоминает нам о смерти, а потому с переживанием своего возраста явно или скрыто связан экзистенциальный страх. Человек живет одновременно в двух возрастах: социокультурном и биологическом. Социокультурный возраст человека связывает его с временем жизни общностей, в которых он существует, а биологический возраст определяет привязанность человека к циклу его биологического проживания. Связь возраста человека с временем жизни той или иной общности даёт нам понятие поколения. Переживая себя как принадлежащие к поколениям, мы утверждаемся в своём единстве с обществом и создаём условия возможности преодоления («снятия») своего биологического возраста.

Лучшее время человеческой жизни...

*Бессмертно всё, что невозможно,
И в этой вечности обратной
Блаженство гордое души.*

В. Набоков

К.П.: Наш курс «Философия возраста» в университете мы традиционно начинаем с сюжета о старости. И это порой вызывает недоумение. Предполагается, что надо начинать с детства и двигаться по возрастам вверх. Но мы представляем старость как некоторый итог человеческой жизни, и поэтому она заслуживает особого метафизического внимания.

Необратимость времени никому не дана так, как старику, для которого нет никакой возвратности, невозможно какое исправление ошибок. И поэтому старость особенно интересна, причем этот интерес имеет двоякий характер. Если мы просматриваем историю человеческой культуры от архайки до современности, мы везде встречаем две линии в оценке старости, которые сложным образом переплетаются.

Во-первых, низкая оценка старости. Старость презируется, отодвигается на второй план. Заниженная оценка старости в архаических культурах выражалась прежде всего в сю-

жете геронтоцида или умерщвления стариков. Восходя к архаике, подобная практика в превращенных и замаскированных формах сохранилась и до сего дня. На меня произвела впечатление американская черная комедия Фрэнка Капры «Мышьак и старое кружево» 1944 года. Сюжет фильма следующий. Две благопристойные на первый взгляд дамы среднего возраста вывешивают объявление, что они готовы сдать комнату пожилому джентльмену, и на первой же встрече они убивают своих жильцов и закапывают их трупы в погребе с соблюдением трогательных траурных церемоний. Их молодой племянник, узнав об этом, приходит в ужас: зачем убивать стариков в современном обществе?! Тем не менее, нельзя сказать, что такие «странные» действия не находят глубинного понимания у зрителей. Не прослеживаются ли здесь остатки архаического ритуала геронтоцида?

Отрицательная оценка старости проявляется в ее негативной мифологии, которая ярче всего выражена в фаблю – жанре французской городской литературы. Например, Мольер рисует нам старого «рогатого» мужа, который нещадно бит, но при этом доволен жизнью. У него молодая жена, которая ему изменяет с бродячим клириком, любвеобильным и удачливым, и это противопоставление глупого немощного старика и молодого пройдохи осуществляется в контексте борьбы за женщину. Тут возникают мифологические и даже календарные (метеорологические) ассоциации. Старость в календарном смысле – это уходящий год. А молодой чело-

век — это наступающее новое время.

Но, во-вторых, в то же самое время в культуре постоянно присутствует и высокая оценка старости. Старость воспринимается как некий итог, даже как лучшее время человеческой жизни. Старик вызывает «априорное» почтение, хотя «плохо выглядит». Посмотрите на изображения Сократа! Тема особого уважения к старикам была развита в античной цивилизации, в частности, потому что старость ассоциировалась с мудростью, с формированием культуры философии. Социальный институт философии возникает на базе особого положительного внимания к старикам. Такая почтительность есть результат долгого развития традиционной цивилизации.

Но новоевропейская цивилизация «сбивает» однозначность таких высоких оценок, продолжая сохранять амбивалентность отношения к старости.

А. С.: Феномен старости необходимо рассматривать с разных позиций, исходя из параметров биологического и социального. С биологической точки зрения существование организма после репродуктивного акта теряет всякий смысл, а старость предстаёт как некая странная остаточная инерция существования. Современные биологи, включая Р. Доукинса и Р. Триверса¹³, пишут, что после репродуктивного акта существование организмов становится необъяснимым. Действительно, общество основано на скрытых и явных формах

геронтоцида. Удивления заслуживает другое. Как раз механизм поедания самкой паука своего партнера после и отчасти уже во время спаривания биологически объясним – устройство для копирования запущено, а тут ещё остается полезная биомасса. Паук-самец свою миссию выполнил. После того как обеспечена защита своих копий, своих распечаток, биологический смысл существования организма некоторым образом исчезает.

Но здесь обнаруживается одна особенность. Если у низших животных мы не отмечаем старости вообще – не бывает старой амёбы или старого клопа, – то, когда мы приближается к кромке высших животных, особенно животных домашних (домашние животные – великая биологическая иллюстрация старости), у нас возникает вопрос: а человек, человеческий мир после антропогенной революции или катастрофы антропогенеза как поступает со старостью?

Идея сохранения старости находит своё оправдание прежде всего в следующем: коль скоро социум должен буквально отыскать себе формы самопричинения на ровном месте, то есть учредить диктатуру символического вопреки естественному ходу вещей (в противном случае у него не хватит мерности для собственного бытия), то среди такого рода странностей возникает долгое детство, имеющее рациональный смысл (пусть даже смысл невероятной роскоши), и столь же долгая старость, которая некоторым образом признается самоценной. Поддержание старости, вет-

хости, недееспособности важно, благодаря тому что появляется дополнительное измерение деятельности, заботы, которая не имеет биологического смысла и в силу этого может поддерживать своды иной вселенной – вселенной символического.

Кроме того, существуют и прямые социально-адаптивные формы использования старости. Прежде всего это тот самый механизм мудрых старцев, или старейшин, которые выполняют функцию редакции инноваций, и именно в этом качестве они оказываются незаменимыми. Это некий образец целесообразно используемой старости. Многие геронтологи и социологи полагают, что наш образ мудрого старца, относящийся к архаике, и образ той жалкой, болезненной старости, которую мы сегодня видим на каждом углу, кардинально расходятся, но расходятся потому, что, собственно говоря, в ситуации архаики и выживали те старики, которые идеально соответствовали *эйдосу* мудрого старца, сохранившего интеллект и подобающую благообразность. Ты воистину достоин уважения, если ты аксакал, у тебя белая седая борода и ты можешь неспешно произносить некоторые слова, не лишённые смысла. Такие старцы выполняют важнейшую функцию отсеивания всякой ерунды, пустых инноваций и неоправданных мутаций, выполняя тем самым целесообразную задачу для общества – роль живого цензурного щита, и одновременно символизируя или очерчивая дополнительные измерения «разворачивания» человеческого. Если ты такого ро-

да старости не достигаешь, то болезни естественным путем прекращают твою жизнь задолго до достижения маразма. То есть социум не оставлял шанса для выживания маразматикам и тем старикам, которых надо кормить с ложечки.

Современная цивилизация устроена иначе, именно поэтому чрезвычайно изменился количественный и качественный состав старости, и сегодня представление о мудрых старцах ничему эмпирически не соответствует, разве что в отдельных случаях мы с удивлением обнаруживаем, что они ещё есть.

Но этот архаический институт – не самая важная характеристика феномена. Нас, конечно, интересует София – мудрость и возникшая из неё философия. Что касается философии, она имеет свои причины и свои резоны к существованию и может рассматриваться как функция работающего сознания, как результат стойкого любопытства и пр. Но одновременно социологически она может также расцениваться, например, как функция (и как следствие) наличия старцев. Есть старые люди, которые не могут с прежней интенсивностью участвовать в деятельности, их нужно чем-то занять, и они должны чем-то занять друг друга. Так пусть это будет философия. Вполне возможно, что с внешней точки зрения взаимное потчевание старцами друг друга различными изречениями или некими сентенциями может носить характер герметичной системы символических обменов, априори представленной как философия – как тот странный, ни

на чём полезном не основанный обмен, который санкционирован к существованию и достоин его, просто в силу того что сама старость санкционирована и допущена быть. Раз она допущена быть и раз старики живут и произносят слова, то произносимые ими слова в конце концов образуют поле философии. Далеко не сразу оно начинает выглядеть так, как сейчас. Даже история греческой философии показывает, что сначала были пресловутые семь мудрецов, которые как раз такие сентенции произносили, потом философия подошла к объяснению природы вещей, и всякий раз в это поле происходит скандальное вторжение молодых, и выясняется, что юные в философии, как и в любой сфере деятельности, оказываются намного способнее старцев.

Но тем не менее сама изначальная санкция этих неприятных занятий обменом неактуальными словами (а философия – это и есть обмен неактуальными словами и предложениями) дана, именно в силу того что жизнь старцев сохранена и они могут поучать. Социально-психологические механизмы слушания ориентированы на то, чтобы поддаваться гипнозу определенного рассказа, если возраст рассказчика соответствует праву на этот рассказ. Так и получается: философия возникает на основе своего простейшего социального гарантирования как дозволенное занятие старцев, к которому, может быть, как-нибудь потом действительно стоит присмотреться. Из этого поля извлекаются ценные объективации, и путем вторичной редакции философия кон-

ституирует себя уже иначе через школы и механизмы передачи знания. Но всегда сохраняется теневой минимум гарантии её существования. Это тоже функция старцев – философствовать, не гарантируя ни результата, ни качества, и за это мы должны быть им благодарны. Речь ведь идет о таких странных вещах, которые *post factum* могут оказаться важными и могут быть перепричинены, но изначально они просто и бесконтрольно допущены.

К.П.: Вопрос о соотношении старости и философии я бы расширил на всю сферу, которую Гегель называет «абсолютным духом». Философия есть обмен неактуальными словами (в философском рассмотрении неактуальные проблемы порой оказываются актуальнее актуальных). Вообще философия в этом плане близка религии. Религия тоже по большому счету неактуальна, поскольку дистанция между небом и землей слишком велика, чтобы быть актуальной. Также неактуально искусство. Но в конечном счете выясняется, что именно всё самое неактуальное наиболее актуально как внутренний стержень любого человека, необязательно старого. Это «абсолютный дух». И с этой точки зрения старцам позволено этим заниматься – выходя на пенсию, человек начинает философствовать (философствовать по-разному – иногда умно, иногда не очень). Но в этом состоит оправдание существования старости.

Также важно выделить ещё один тезис. Люди бывают ум-

ные и не очень. Причем умные люди необязательно старцы. Возраст не делает людей мудрее. Есть мудрые юноши и мудрые люди зрелого возраста. Стабильное благоустроенное общество, которое выстраивает благоустроенный институт старости, например пенсии, вовсе не ориентировано на возвышение стариков. Речь идёт лишь о том, что в благоустроенном обществе существование всех возрастных когорт предполагает наличие тех или иных условий для их развития.

Также хотелось бы отметить, что особое место в низкой оценке старости занимает болезнь, которая нередко рассматривается как рационализация низкой оценки старости. Старость всегда ассоциируется с болезнью, хотя, возможно, это предрассудок. Болезнь сопровождает все возрасты человеческой жизни (недомогания старости ничуть не тяжелее, чем недомогания детства, юности, зрелости), но в старости она почему-то особым образом тематизируется. С этим связана одна любопытная особенность именно современного общества – это повсеместная медиализация. В качестве главной ценности в обществе, где Бог мёртв, выступают здоровье и физическое благополучие.

Например, качество современных фильмов измеряется объемом бюджета. Ну какой боевик можно снять всего за какой-то «жалкий миллион долларов»?! Вот сто миллионов – это да, боевик! Также и медицина оценивается с финансовой точки зрения. Но если сопоставить затраты на различные группы заболеваний, то болезни, связанные со старо-

стью, предполагают более значительные денежные затраты, чем затраты, связанные с юностью или детством. Болезням старости уделяется большее внимание, чем болезням, характеризующим другие возрасты.

В плане современной цивилизации я хотел бы связать эти три понятия: *старость, возраст и медикализация*¹⁴. Они овеяны рядом предрассудков, которые по возможности нужно рационализировать. Но также я бы хотел обратить внимание на любопытные пики оценки смерти в различных возрастах. Это обнаружилось уже в культуре античного мира, затем в культуре мира христианского, где можно выделить две жизненные модели. Одну я назвал бы «моделью Ахилла», вторую – «моделью Мафусаила».

Человек типа Ахилла стремится умереть рано, он ищет смерти. В предисловии к книге Эрнста Юнгера приводятся слова наполеоновского маршала Ланна: «если гусар не убит в тридцать лет, это не гусар, а дерьмо»¹⁵. Как мы помним из античного повествования, Ахилл торопится жить, он знает, что его жизнь коротка, и он стремится за эту короткую жизнь свершить как можно больше. В русской культуре это относится к создателям золотого века, это А. С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, некоторые художники той эпохи, например Фёдор Васильев (1850–1873). Все они прожили короткую жизнь.

Второй вариант «удавшейся» судьбы, «модель Мафусаила», представлен людьми, которые проживают длинную

жизнь подобно легендарному библейскому старцу. Глубокая старость предполагает накопление мудрости. Хотя я не уверен, что мудрость можно накапливать; этот вопрос требует специального исследования. Есть такая поговорка: старик говорит, что он уже забыл то, чего молодой ещё не знает. В обычном понимании старость – это время не только накопления, но и забывания. Мафусаил же предполагает накопление мудрости без потери. Образ жизни философа, гуманитария, вообще ученого – это образ жизни Мафусаила. В одаренном студенте философского факультета нередко уже проглядывает маленький старичок, тогда как тренеры футбольных команд, напротив, нередко несут в себе образ (стать) молодого футболиста.

Эти два варианта жизни, конечно, связаны с профессиональным подразделением. Также речь здесь идёт о предпочтениях той или иной культуры. Например, если мы имеем дело с воинской культурой, тут долго жить, как было уже сказано, просто «зазорно». Это установка Ахилла. Но если я попадаю в монастырь, там совершенно другие установки. Таким образом, установка в значительной степени определяется локальной культурой.

А. С.: Мы в данном случае рассматриваем феномен старости не столько как способ данности изнутри, не столько как противодействие времени и социальным вердиктам, но и как ничем не объяснимый феномен, который необходим

именно в мире людей. Понятно, что если забота по отношению к подрастающему поколению строго целесообразна биологически, с точки зрения пресловутого эгоистичного гена, то почтение к старшим (к старикам) не имеет такого характера и представляется делом чисто человеческим, что не раз обыгрывалось, например, в конфуцианстве. Можно привести нравоучительное изречение: животное ходит на четырех ногах, смотрит вниз и заботится о потомстве, а человек ходит на двух ногах, смотрит вверх и заботится о старших. Время, которое инвестируется в заботу о старших, – это очень странно проведённое время, оно сродни самопожертвованию, но различным образом санкционировано практически всеми культурами (правда, по-разному) и для чего-то нужно. Ответ на вопрос, почему нужно заботиться о старших, близок ответу на вопрос, почему нельзя есть людей. Повидимому, это нужно, поскольку такова та критическая масса реалий человеческого, без которых человеческое просто не устоит.

Но мы убедились, что социум, даже сама история извлекает из этого нечто чрезвычайно важное, в частности философию. Если старикам позволено быть, то наличествует внутренняя трансляция их занятий. Место философии могла бы занять, например, игра в жмурки – наше счастье, что этого не произошло. Старцы мудры потому, что их образ жёстко предзадан. И поэтому всегда удивление и чувство легкого абсурда вызывают, например, тексты Хармса, или старуха

Шапокляк, которая любит проказничать, или выражение «шкодливый старикашка». Если бы образ «шкодливого старикашки» был немного лучше растиражирован, насколько иначе был бы устроен мир! Но, к сожалению, дальше текстов Д. Хармса это растиражирование не продвигается. Это означает, что мир устроен так, как он устроен, и что сумма всех социальных вердиктов, приговаривающих к определенному модусу бытия, к отыгрыванию своих собственных немощей, тем более что они санкционированы культурой, даёт нам определенный способ признанного реагирования – удержание мудрости, которая может быть не так уж и мудра, но зато она топологически здесь, она, как и философия, имеет место быть. Есть нечто скандальное в том, чтобы представить себе юного Б. Спинозу или Ф. Шеллинга, создавших себе имя в достаточно молодом возрасте. Предположим, правила игры требовали бы от Ф. Шеллинга, представляющего свое сочинение «Философия искусства», надеть искусственную бороду, добавить морщин. Ничего страшного в этом не было бы – ради сохранения санкции общества на философию можно было бы принести и такие жертвы.

Что касается медиализации, в этом есть один любопытный момент. Известный образ античности, связанный с пластически совершенным телом, предполагает, что совершенны все тела, то есть настойчиво транслируемая в пространстве и времени фигура античности говорит: вот мы, боги, полубоги, герои, свободные граждане, и наши тела, воспи-

таннные мусическими и гимнасическими искусствами, прекрасны. Тогда мы спросим себя: а где другие тела, где увечные, раненые, болезные, безобразно старые? Их нет! Раненых добивали – и это не публиковалось в общественном обсуждении. Именно поэтому столь ярко обозначен водоворот между античностью и христианством, это как будто поворот калейдоскопа – настолько ошеломляюще внезапным является вброс увечности, переход от совершенных античных тел к чудовищным, искорёженным мукой, старостью, болезнью телам в Средневековье. В этом повороте отчасти состояло и величие христианства, которое санкционировало наличие любого тела и необходимость для души отмучиться в том теле, какое досталось. Мы этот образ полностью унаследовали и сегодня, хотя, конечно, овладели искусством драпировки, декорации, так сказать, создания благообразных вывесок для стариков, под которым скрывается всё тот же маразм. Сегодня мы сохраняем любые тела и любую жизнь, которая ещё теплится. Зато наступила странным образом античность вещей. Старые тела остаются, но старые вещи – нет. Они безжалостно выбраковываются, выбрасываются, подвергнуты ли они физическому ущербу или моральному старению.

Таким образом, по отношению к вещам, которые нас окружают, мы живём как бы в новой античности. Так, как античность поступала по отношению к телам, современный мир распоряжается вещами. Для нас порой остается очарование ущербных вещей – стол с тремя ножками, сломанная

кофемолка. Их жаль выбрасывать: пусть себе живут, им тоже пришлось пострадать. Почтение к старым вещам остается на пороге гламурной цивилизации и в неё не входит принципиально. Как античность заботилась о том, чтобы только идеальные или близкие к идеалу тела были представлены богам, остального богам не подобает видеть (если же это были тела старцев, то благообразных старцев – мудрецов, философов), так сегодня лишь новые и сверхновые вещи предъявлены миру, остальные безжалостно истребляются. Исключение составляют разве что специально эстетизированные, винтажные артефакты. Что бы могла значить такая странная инверсия: ведь должна быть какая-то связь между удивительным появлением на другом полюсе вроде бы того же самого запрета на старые вещи и старые тела. Как связаны старые вещи и старые тела? Или здесь есть какая-то иная, глубинная, связь? Что это вообще могло бы означать в отношении интересующего нас феномена старения, ветшания, демонстрации миру и друг другу следов времени?

В каких-то случаях это стыдно, в каких-то, напротив, это важнейшая форма демонстрации, поскольку сама старость – это нечто, находящееся за пределами необходимого, это вообще то, что принципиально вышло за пределы эйдоса. Старая вещь хранится не из-за своего соответствия эйдосу (с точки зрения биологического соответствия это плохая кофемолка, негодная дверь, ненужный стул), для нее находятся некие иные основания бытия. Совпадают ли они с основа-

ниями бытия чрезвычайно старых людей? Либо это совсем другие основания?

К.П. Что касается приведенного сравнения старых людей и старых вещей то это очень интересный ход новоевропейской мысли, которая тяготеет мыслить человека как своеобразную машину. Здесь необходимо учитывать, что и в старых людях, и в старых вещах есть начало комического. Старые вещи и старые тела находятся в отношении дополнительности – как *инь* и *ян*, и даже в отношениях контрапункта. Юноша может позволить себе старые вещи, старик же не будет носить потертое и заношенное – в этом есть нарушение вкуса. Хотя в целом тема старых вещей есть сюжет широко понятой философии техники.

Мне бы хотелось остановиться на проблеме эстетической ценности старости. Тут есть симметрия с эстетической ценностью детства. Ребёнок красив по определению. Хотя это не так очевидно, но и старость красива по определению. Во всяком случае она по определению интересна. Эстетическая ценность старости присутствует и в работах скульпторов античности, и в портретах Рембрандта, В. Серова, И. Репина. Геронтофилия предстает как любование старым телом – любовь к старому телу – мы говорим не об извращениях. В то же время старость может восприниматься и как время свободы. Как сказал один современный философ, я не только не боюсь старости, но хочу её, так как тогда я буду делать

всё, что хочу, и мне за это ничего не будет (вероятно, ему всё время приходится ограничивать свои желания). Пресловутая болезнь Альцгеймера не так однозначна. В поведении старых людей присутствует момент разыгрывания старости. Старая женщина десять раз на дню спрашивает у своей дочери, какое сегодня число. Дочь выходит из себя. Старушка торжествует в своем маленьком домашнем господстве. Тот самый трикстер, который подавлен в юности, обнаруживается в старости. Человек зрелого возраста не может себе позволить быть трикстером. Старик может и хочет быть смешным. Примечательна фотография со столетнего юбилея итальянского нейробиолога, лауреата Нобелевской премии Риты Леви-Монтальчини: она прикуривает от свечки на торте в её честь с надписью «100». Да, как будто иронизирует фотография, курить вредно! Но что может быть вредно столетней старухе, на морщинистых устах которой блуждает ироническая улыбка?! Ей же принадлежит фраза: да, мне сто лет, но я соображаю лучше, чем когда мне было двадцать.

Пресловутого Альцгеймера можно использовать как фетиш, с которым старик отваживается вступать в диалог. Не так уж редко старики используют Альцгеймера в качестве жизнеутверждающего фона для комического восприятия жизни.

Любимая скульптурная тема античности – это Афродита и Пан. Пан – «шкодливый старикашка» с козлиными ногами. Как бесстыдна и принципиально дионисийна эта его беспар-

донная нацеленность на богиню красоты! Сократа сравнивали с Силеном, в чём заподозрены самые основания калокогати. В средневековых фавбу и в пьесах Мольера старик – это фигура комическая, но комическое – необходимая краска в общем полноцветии эстетического переживания человеческого бытия, разделяемого и самим старцем. Старость несет в себе эстетическое начало комического, и тем она, может быть, и привлекательна.

А. С.: Но всё-таки не комический элемент является преобладающим в образе старости. Сама эстетическая функция охранения того, что уже не нужно, получает свою гарантию именно в отношении к старому, ветхому, брeнному – к тому, что уже не нужно ни для чего существенного. Это и фоновый способ хранения философии, всё-таки отличный от религии, потому что нет ничего более актуального, чем воспроизводство души, если душа действительно воспроизводится, если реакторы экзистенции действительно запущены, а не заглушены. Опыт веры требует жертвы, крови. А философия, напротив, существует на излете, когда опыт веры уже не работает по тем или иным причинам (но при этом нужно чем-то занять старцев).

Посмотрим на судьбу старых вещей сегодня. Старые вещи сегодня изымаются из интерьеров, они должны найти свою помойку и в ускоренном метаболизме исчезнуть с глаз долой. Но они привлекают не только стариков (для которых сраба-

тывают как ловушка), но как ни странно и художников. И это не случайно. Когда витрины гламурной цивилизации заполнены блеском новых вещей, художник на них даже не смотрит. Художник спасает старые вещи, дает им иную жизнь, например, посредством коллажа, некоего сохранения. Ему нужны именно эти вещи, что-то он в них находит, чего нет во всех сияющих витринах вместе взятых. И отчасти в силу этого он художник.

Эстетическая составляющая всегда работает таким образом. Тексты, которые выбывают из своего актуального, конструктивного контекста (например, тексты географии Птолемея или карты Греции и Рима, карты Фернандо Магеллана), сохраняются потому, что нужны эстетически. Именно с эстетической точки зрения нам интересно изучать астрономию Птолемея или медицину Гиппократ. Художник сохраняет старое и производит его ревалоризацию, более того – придает ему сверхценность, потому что эти объекты, раз уж они уцелели, обретают новую жизнь, несравненно более долгосрочную, чем была им суждена в рамках простой полезности, чистой функциональности. Получается, что и сама старость эстетизирована и дает санкцию эстетике как таковой. Смысл эстетики – сохранить ненужное, то, что не является строго необходимым, сохранить то, для чего нет особых эвокаций. Внутри искусства существуют области для эвокаций – резонансов, построенных на гормональных воздействиях. Но область чистой эстетики, чистого искусства основывает-

ся на том, что вещи и тела, пережившие соответствие своему эйдосу, которые в каком-то смысле и Богу-то не нужны, тем не менее нужны художнику. Удивительно хранение ненужного, но при этом предельно необходимого в качестве чело- вечности самого человеческого. Если бы не этот образ старо- сти, который хранится далеко за пределами своей нужности, своей востребованности, функциональности, не было бы ос- нований для чистой эстетики вообще, поскольку эта функ- ция каждый раз заново актуализируется через обращение к старому, брошенному, бросовому, даруя новое хранение и новые сроки в вечности.

К.П.: Самое время упомянуть и бесцельную целесообраз- ность Канта¹⁶. Не подходим ли мы к тому, что старость мо- жет быть объяснена в рамках именно третьей «Критики» И. Канта – «Критики способности суждения»? Как пишет са- марский философ С. А. Лишаев, «ветхое – это и есть бес- цельная целесообразность»¹⁷. И здесь можно выявить ме- тодологию. Старость как феномен социально-философский, антропологический может быть объяснена через бесцельную целесообразность артефактов (искусственно созданных ве- щей). Чем, грубо говоря, артефакт отличается от техники? Если техника имеет ярко выраженную постановку цели и средств и техническое устройство – это устройство, с помо- щью которого можно достигать цели, то артефакт – это, бес- спорно, искусственно созданная вещь, цель которой, однако,

забыта, утеряна или неактуальна¹⁸. В некотором смысле мы можем говорить о том, что старик – это артефакт человеческого бытия.

Я хотел бы ещё добавить, что гламурность современного мира – это тоже явление скорее эстетическое, чем функциональное. И поразительным образом, приобретая гламурность, мы теряем утилитарное удобство. Есть некое поразительное утилитарное удобство старых вещей. Я бы это перенес и на стариков – присутствует некая утилитарная полезность старых людей. Некогда, ещё в советские времена, был субботник в ЛГУ, во время которого мы должны были перенести в другое помещёние все вещи Д. И. Менделеева – вещи, книги, мебель, баночки с лекарствами, хранящиеся в Музее Менделеева, располагающемся в главном здании университета, «12 коллегий». Перебирая это скопище артефактов, относящихся к повседневной жизни Дмитрия Ивановича, я понял, что время конца XIX – начала XX вв. – это время гораздо более удобных вещей, чем мы имеем в наш век прессованного картона. Мы живем гораздо менее удобно.

Вспомним сцену из «Жертвоприношения» Андрея Тарковского. Герою фильма на день рождения дарят карту Европы XVII в., которая совсем непохожа на Европу в современных картографических изображениях. Герой делает замечание, что Европа «на самом деле», как оказывается, выглядит совсем иначе, чем думали в XVII в. Даритель отвечает: «И ведь люди тогда жили, и жили очень неплохо!»

На русский язык переведены медицинские трактаты Авиценны. Если их почитать, можно найти массу практических советов, о которых забыли современные терапевты в поликлиниках, и извлечь немало практической пользы. То же относится к терапевтическим справочникам старых изданий – там прекрасно, просто и точно, описаны многие болезни.

Поразительное утилитарное удобство старых вещей можно перенести и на старых людей. Например, «социальный институт» бабушки: для того, у кого есть маленький ребёнок, какая удобная, совершенно необходимая «вещь» – бабушка!

Также следует отметить, что старые вещи, особенно когда они предстают как некое единство, позволяют реально путешествовать в истории. Если я приезжаю в деревню, где нет электричества и водопровода, то живу так, как жили мои предки. Я постигаю историю глубже, как бы «изнутри».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.